

РЕЦЕНЗИИ И ОБЗОРЫ

А.Н. Фатенков, А.А. Давыдов

СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ И АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ СМЫСЛЫ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Рецензия на книгу: Революция, эволюция и диалог культур. Доклады к 100-летию русской революции на Всемирном дне философии в Институте философии РАН 14 и 16 ноября 2017 г. / Отв. ред. А.В. Черняев. М.: Гнозис, 2018. 624 с.

Фатенков Алексей Николаевич – доктор философских наук, профессор. Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского. Российская Федерация, 603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, д. 23; Приволжский исследовательский медицинский университет. Российская Федерация, 603005, г. Нижний Новгород, пл. Минина и Пожарского, д. 10/1; e-mail: fatenkov@fsn.unn.ru

Давыдов Андрей Александрович – кандидат культурологии, старший преподаватель. Приволжский исследовательский медицинский университет. Российская Федерация, 603005, г. Нижний Новгород, пл. Минина и Пожарского, д. 10/1; e-mail: nipirogov2009@yandex.ru

Рецензируется сборник материалов Международной научной конференции «Революция, эволюция и диалог культур», состоявшейся в Институте философии РАН в ноябре 2017 года и приуроченной к 100-летию Русской революции. Рецензенты исходят из того, что споры вокруг исторического события, как правило, благотворны. Дискуссии, пусть и острые, препятствуют редукции мыслимой и переживаемой истории к ее мифологическим и идеологическим опрощениям. Корень исторической полемики – в однозначно не разрешимой концептуальной дилемме: главные смыслы события актуализируются то ли в тот момент, когда оно происходит, то ли позднее, на некотором временном отдалении. Экспликация смысловой полноты неизбежно противоречива на уровне общественного сознания, порой такова она и на уровне сознания индивидуального. Авторами сборника «Революция, эволюция и диалог культур» затронуты самые разные аспекты осмысления Русской революции. Рецензенты посчитали целесообразным выделить две обстоятельно проработанные в книге концептуальные линии: социально-культурную и антропологическую.

Ключевые слова: Русская революция, социально-культурные смыслы, антропологические смыслы, «Революция, эволюция и диалог культур»

Для цитирования: *Фатенков А.Н., Давыдов А.А.* Социально-культурные и антропологические смыслы Русской революции // Философский журнал / Philosophy Journal. 2020. Т. 13. № 1. С. 173–183.

Споры вокруг любого исторического события неизбежны и, как правило, благотворны. С их прекращением история мифологизируется или, того хуже, покрывается коростой идеологии. Впрочем, и дрящущая полемика, тенденциозно меняющая оценку некогда случившегося на прямо противоположную, оказывается компонентой мифологемы / идеологемы, приходящей на смену прежней. Корень исторических дискуссий – в однозначно не разрешимой концептуальной дилемме: главные смыслы события актуализируются то ли в тот момент, когда оно происходит, то ли позднее, на некотором временном отдалении. Вероятно, определенная дистанция необходима для экспликации смысловой полноты, которая в интерсубъективном, социальном формате предстает, что неудивительно, неизменно противоречивой. Порой жизненно фундированными противоречиями насыщены и выстраиваемые отдельным индивидом исторические ретроспекции: экзистенциальный опыт, одобренный семейными фактами и преданиями, нередко дает подобный, логически парадоксальный результат¹. В индивидуальном сознании не исключены, однако, и, в отличие от сознания общественного, не зазорны инвариантные оценки прошедшего (как и текущего): не всякая личная убежденность догматична, не всегда она нуждается и в интерсубъективных подпорках. Впрочем, формат противоречивости всё же преобладает, ведь революция обнаруживает себя как область совершенной неопределенности и гипертрофированной определенности одновременно². Революционное действие нацелено на упразднение налично данных оснований человеческого существования. И этот акт, надо подчеркнуть, не сугубо контркультурный. Так, политическая практика большевизма идет рука об руку с культурной практикой постсимволизма³. Ну а далее потрясенное общество оказывается на перепутье: либо возвращаться к ультраархаике, либо продуцировать сверхновые основания жизни, либо сделать ставку на неординарный онтологический сплав, либо соблазниться бесосновностью бытия.

В год 100-летнего юбилея Русской революции в Институте философии РАН состоялась международная научная конференция, по результатам которой был издан сборник докладов. Их авторами затронуты самые разные аспекты осмысления эпохального события. Особого внимания, как представляется, заслуживают две обстоятельно проработанные в материалах сборника концептуальные линии: социально-культурная и антропологическая.

Вектор преимущественно комплиментарных социально-культурных реконструкций задан вступительной статьей академика А.А. Гусейнова. Называя Октябрьскую революцию 1917 года великой, он напоминает, что связанные с ней исторические перипетии были делом родных и близких нам людей. Конечно, мы можем считать ее провальным, варварским актом, но тогда должны ясно осознавать и собственную испорченность. «Тот, кто набирается смелости назвать своего отца преступником, должен иметь также

¹ См.: Фатенков А.Н. Революция и экзистенция (этюды разного настроения) // Человек. 2017. № 2. С. 5–21.

² См.: Ямпольский М. Революция как событие смысла // Антропология революции. М., 2009. С. 17–52.

³ См.: Смирнов И.П. Социософия революции. СПб., 2004.

мужество считать себя сыном преступника»⁴. Участливое, личностное отношение к прошлому является важнейшей нравственной предпосылкой его адекватного осмысления. И с этим нельзя не согласиться. Но как тогда быть с объективностью в понимании исторического процесса: совместима ли она (в любом ее толковании) с экзистенциальным углом зрения? Если не совместима, хотя бы в роли нормированного предела интерпретаций, то придется чем-то жертвовать. Вся на нервах человечность или бесстрастный сциентистский фетиш: противостояние между ними обращает нас не только и не столько к прошлому, сколько к настоящему и будущему.

В докладе В.М. Межуева «Русская революция и демократия» дан подробный анализ событий 1917 года в контексте реалий российского общества. В основу авторских рассуждений положена модель революции как постепенного перехода от идей свободы к их отрицанию. Задаваясь вопросом о возможности иного, не антидемократического финала Октября, докладчик констатирует: революции происходят там, где нет демократии, так как последняя может и должна выстраиваться мирным, эволюционным путем. Русская революция, как известно, началась с требований свободы и демократии. И в Октябре победили, собственно, не партийцы-большевики, а организованные массами Советы, которые в своем изначальном замысле «тоже были демократией, но не представительной, парламентской (или буржуазной), а непосредственной, включающей в себя все слои трудового населения» (с. 22). Однако главный лозунг пролетарской революции «Вся власть Советам!», декларируемый и большевиками, остался нереализованным. Формально советское государство являлось по сути автократичным. Сталинский режим, а не распад СССР, следует считать концом революции в России. Вывод надежен, если революционными приоритетами действительно являются свобода и демократия, и не вполне надежен, если доминирующая интенция революции в требовании справедливости, которая не всегда содержательно близка чаяниям свободы и народовластия.

Академик А.В. Смирнов («Классическое евразийство как постреволюционная философия») ведет речь о логико-культурной матрице идейного движения, оформившегося в 1921 году в кругах молодого крыла русской эмиграции. Постреволюционным оно именуется постольку, поскольку «логически пережило» революцию и актуально сегодня, во всяком случае, на взгляд автора, своей философской составляющей. Рациональный остов идей классического евразийства опознаётся как принцип всесубъектной целостности, воплощающийся во всечеловеческом устройстве жизни. Одним из его конкретных проявлений в социально-политической сфере оказывается демократия – вариация прямого народовластия, оппонирующая представительной демократии, которая вытекает из репрессивного общечеловеческого и предаёт забвению интересы многих, если не большинства граждан. По нынешним российским временам, подтвердят рецензенты, так оно, похоже, и есть. Напротив, демократия, «в том числе и в варианте советов (свободных от диктатуры компартии), означает учет всех интересов, когда не теряется никакой голос, когда общее дело действительно становится соработничеством» (с. 42). Знакомые с творческим наследием Н.С. Трубецкого и его

⁴ Революция, эволюция и диалог культур. Доклады к 100-летию русской революции на Всемирном дне философии в Институте философии РАН 14 и 16 ноября 2017 г. М., 2018. С. 11. Далее ссылки на страницы рецензируемого сборника приводятся в тексте в скобках.

коллег не преминут отметить в дополнение их конструктивно-критическую, не оголтело негативную, реакцию на приход к власти большевиков. Революция не привезена горсткой злоумышленников из эмиграции в запломбированных вагонах – она вызрела здесь в процессе саморазложения императорской России, в результате крайнего обострения противоречий между европеизированным правящим слоем и народом, широким слоям которого европейская культура не была близка; обуздывая анархию, революция открывает здоровые перспективы для новой социально-культурной и политической индивидуации России-Евразии⁵. Настороженность вызывает, правда, присущий классическому евразийству чрезмерный этатизм, грозящий перевести ту же демотию в разряд утопии или ложноидеологического прикрытия отнюдь не социального государства.

В.В. Петров («Революция 1917 года в современной ей литературно-философской апокалиптике») солидаризируется со спиритуалистической, эсхатологической трактовкой событий столетней давности, представленной знаковыми фигурами отечественной культуры Серебряного века. В центре обсуждаемых источников тексты Андрея Белого, видевшего в революции взрыв, вихрь, «обогневение мира». Примечательна также ссылка на Василия Розанова, противопоставившего мировоззренческие интенции Маркса и Достоевского и утверждавшего невозможность экономической детерминацией, отвлеченной от культурного содержания и психологических переживаний, реалистично очертить завтрашний день общества победивших пролетариев. Проекция автора на сегодняшний день подчеркнута элитаристская. «Поколения постреволюционных дикарей сменяют друг друга одно за другим, не оставляя после себя ни имени, ни следа. А высокая русская культура никуда не делась. Она доступна не всякому, но ее творцы, отступившие в тень, никуда не ушли. Теперь они начинают возвращаться. <...> Мы учим их язык, более того – мы только теперь начинаем их понимать» (с. 87). Пусть так, но проблематичными остаются минимум два момента: 1) неужели советская культура начисто бесследна и безымянна? 2) как поступить с дореволюционным дикарством: посчитать несуществующим или менее диким, забыть о нем?

В тексте *М.Т. Степанянц* «Восприятие российской революции 1917 года в странах Востока: мифы и реальность» на обширном фактическом материале показано многовариантное воздействие Октября на историческое развитие азиатских государств. Развенчивая некоторые штампы (к примеру, «о пробуждении Азии» в едином порыве), автор аргументированно демонстрирует неоднозначность рецепции событий 1917 года на Востоке. Широкий географический и историко-культурный охват эмпирии позволил провести корректное деление восточных стран в зависимости от их отношения к произошедшему у нас социальному перевороту. Одни последовали за Советской Россией – в той или иной степени. Другие пошли «третьим путем» (ни социалистическим, ни капиталистическим). Были и те, кто отверг советский проект. Любопытная оценка дана советскому периоду нашей истории как попытки реализации глобального проекта, который был заранее обречен на провал в силу своего несоответствия историческим реалиям развития человеческого общества с его динамичностью, культурным и политическим

⁵ См.: Евразийство. Опыт систематического изложения // Пути Евразии. Русская интеллигенция и судьбы России. М., 1992. С. 388–389.

плюрализм. Впрочем, позволим себе заметить, тезис дискуссионен, ведь нет никаких гарантий того, что в свою очередь плюрализм это не мифологема или идеологема либерального толка, а динамичность мира воспринимается объективной (и потому не подлежащей далее оценке) или неоспоримо позитивной лишь ментальностью модерна.

А.В. Черняев в своем докладе «Духовно-исторические корни революции в русской послеоктябрьской историософии (концепция Н.А. Бердяева)» стремится прояснить глубинные (с апокалиптическими коннотациями) основания случившихся социальных потрясений, для чего обращается к идеям отечественного «философа свободы». Предельно важен – в плане ответа тогдашней и нынешней либеральной конъюнктуре, а заодно и спекуляциям конспирологов-традиционалистов – цитируемый вердикт Бердяева: «Нет ничего более жалкого и смешного, как <...> миф о святости Февральской революции в отличие от мерзости революции Октябрьской. В действительности есть одна революция в разных ее стадиях, и революция Октябрьская и есть настоящая народная революция в ее полном проявлении...»⁶. Не исключено (к чему зачастую склоняется автор цитаты и на чем настаивает автор доклада), что в радикальном общественном перевороте фокусируются худшие, ложные черты народного мировоззрения. Однако если мыслить революцию апокалипсисом в миниатюре (что, в общем, метафизически продуктивно), то и «снятие покрова» с истории и всего остального окажется тогда по преимуществу негативным, деструктивным актом – с чем не очень хочется соглашаться.

И.Н. Сиземская («Социокультурный контекст революционной ситуации октября 1917 года») указывает на концептуальную неполноту ленинского подхода к характеристике предреволюционного состояния общества, считая обязательным также обстоятельный учет духовно-интеллектуального опыта страны. Применительно к Октябрю 1917-го и последовавшим затем событиям важно не упустить из виду раскол социал-демократического движения в России (вряд ли, впрочем, не учитываемый лидерами большевиков) и очевидное нарастающее лидерство в нем радикального течения. Действительно, культивируемая в общественном сознании безответственно-радикальная установка на то, что всё, способствующее революции, нравственно, а всё, препятствующее революции, безнравственно, неминуемо вульгаризирует идею революции и ее исторические воплощения. Свобода смешивается с произволом, справедливость – с корыстью и мстительностью. Взамен автор предлагает вернуться к известному тезису о необходимости соответствия революционных целей подготовленному к их восприятию массовому сознанию. Однако у рецензентов возникает вопрос: насколько это возможно и целесообразно? Полная готовность общественного сознания к «правильному» осуществлению революции делает последнюю фактически излишней. Вместе с тем реальная история изобилует нескончаемой чередой революционных эксцессов.

В материале С.Н. Корсакова («Кто и как сделал русскую революцию неизбежной») убедительно реконструирована логика нарастания антимонархического движения: с закономерным Февралем и определенной концептуальной пролонгацией на Октябрь. Революция стала возможной вследствие кабальной и издевательской для крестьянства реформы Александра II.

⁶ Цит. по: Революция, эволюция и диалог культур. С. 199.

Революция, далее, стала вероятной в ответ на всю ту же узкоклассовую, хотя и не вполне традиционную политическую линию П.А. Столыпина, этого палача в облике реформатора, человека скорее самоуверенного, нежели умного. Революция, наконец, стала неизбежной в результате самоизоляции Николая II и его семьи от всех социально и политически значимых сил российского общества: от членов императорской фамилии, от высшей бюрократии и генералитета, от крупных помещиков и буржуа, от народа, заменив реальную связь с ним связью «мистической». Справедливо подчеркивается, что недееспособность армии на фронтах мировой войны была спровоцирована не листовками радикальных оппозиционеров, а бездарной политикой власти. В одном окопе оказались антагонисты: офицер-помещик, унтер-кулак и солдат-батрак: все трое при оружии, и каждый ненавидит двух других. В общем, делается вывод: в Феврале сработала классическая ленинская формула «верхи не могут, низы не хотят». С креном, как следует из воспроизведенных доводов, в сторону немочи верхов. В контексте современных российских реалий невольно задумаешься о феномене столыпинщины без царизма и о вероятности социального взрыва.

М.Н. Громов («Великая русская революция в контексте полемики радикализма и антирадикализма») рассматривает события 1917 года в ракурсе пересечения двух означенных полярных линий отечественной истории, которые взаимно исключают и взаимно дополняют друг друга. Автор отслеживает и анализирует типологию российской государственности от Московского царства до наших дней. Ее своеобразие видится в неравномерности, скачкообразности нашей политической динамики и в сильно выраженной имперской ориентации, дававшей как положительный, так и отрицательный эффект в разные моменты истории. Если в теоретических спорах о путях развития России, скажем, в заочной полемике А.Н. Радищева и Н.М. Карамзина, радикализм и антирадикализм развести по разным углам нетрудно, то в социально-исторической практике дело обстоит иначе. Там полярности комплементарны, сомнений нет. Усилим тезис: они изначально больны своим антагонизмом. У нас и вправду, строкой Максимилиана Волошина, «в комиссарах – дух (дурь) самодержавья, взрывы революции в царях». Поэтому не приходится удивляться, что борцы против самодержавной тирании, захватив власть, стали еще более жесткими тиранами.

Текст *В.Г. Федотовой* «Модерн и революция» проследивает взаимосвязь указанных явлений. Напрямую не касаясь Октября 1917-го, он предоставляет тем не менее эвристически ценное подспорье к осмыслению тех событий. Концептуальная формула автора: Модерн – это революция, но не все революции ведут к Модерну. Буржуазные революции в странах Запада инициируют органическую модернизацию с безвозвратным отказом от феодальных отношений и поступательной актуализацией принципа безличной формализации общественной жизни. В незападных странах победа буржуазии не гарантирует ни устранения значимых элементов феодализма, ни полноценную модернизацию, зачастую обреченно ограничиваясь ее догоняющим типом. Логично и исторично предположить, что социалистическая революция вариативна в плане характера модернизации и направлена не только (а иногда – не столько) против остаточных следов феодализма, сколько против аутентично капиталистической безличной формализации социальных связей.

А.В. Павлов («Интеллектуальное переживание революции 1917 года») противопоставляет два типа отношений к радикальному и ко всякому прочему

историческому событию. Отчужденно-абстрактному взгляду, с объективистски подаваемой актуализацией и проблематизацией, с поиском в эпохальном мелочной экзотики, он оправданно предпочитает взгляд с эмпатией, с неподдельным переживанием, экзистенциальным пристрастием, не редуцируемым к идеологической ангажированности. Ни вычурные периферийные детали, ни сухие формулировки и схемы панлогистски умерщвленной сути не только не приблизят нас к пониманию произошедшего (и происходящего), но и не дадут его весомого объяснения. Различая собственно акт революции и следующий затем постреволюционный отрезок истории, автор отмечает, что мы сегодня травматически переживаем скорее, если вообще переживаем, свое советское прошлое, нежели вызвавшую его к жизни Октябрьскую революцию. Возможно, полнота ее смыслов может быть небесстрастно выявлена лишь при проживании-переживании новой революции.

П.С. Гуревич в докладе «Социально-психологические иллюзии Великого Октября» подчеркнул особую роль в человеческой истории коллективного и индивидуального воображения, особенно тех его форм, которые не редуцируются к логически непротиворечивым моделям и алгоритмам. Именно иллюзии, фантазии, а не экспертные технологии, творят историю, открывая перед людьми принципиально новые горизонты. Утопии и химеры продуктивно противостоят диктату устоявшейся социальности с ее доминантно конформистскими теориями и практиками. И пусть, скажем, идея приоритета личности перед обществом является лишь интеллигентским вымыслом, она сильна в своей культурной, не вульгарной, перспективе. Потрясение основ общественной жизни совершается не с прагматически выверенным планом касательно будущего, а с надеждой на искоренение безобразий текущего дня. «Революции страшны своей разрушительностью. Но люди, что ни говори, имеют право на радикальные программы преобразования наличной реальности» (с. 296). Человечность или бесчеловечность революционных пертурбаций во многом определяется тем, харизматичны ли в самом деле лидеры революции; не подменяется ли харизма, атрибутивно сопряженная с мудростью и святостью, не без цинизма организаторскими талантами и создаваемым приспешниками культом личности. В нашем случае, в его негативной картинке, Троцкий должен быть поставлен тут прежде Сталина. П.С. Гуревич подталкивает слушателя и читателя к здравому выводу: иллюзии и фантазии, как и мифы, бывают жизнеутверждающими и разрушающими жизнь, но вне свободно воображаемого ничего позитивно неординарного совершить нельзя.

Р.Г. Апресян («Этика и революция»), трактуя два социально-политических переворота 1917 года фазами единого революционного процесса, этически ставит Февраль много выше Октября. Февраль свергает самодержавие и провозглашает гражданские свободы. Октябрь ограничивает гражданские свободы и восстанавливает самовластие в лице единственной правящей партии и тайной полиции. Он дискредитирует предшественника, присваивая его демократические достижения. Февраль трагически слаб. Октябрь убийственно силен. Он представляет собой «прямое, brutальное и мизантропическое поправление этики» (с. 420). Февраль экстраполируется автором на горбачевскую перестройку, Октябрь – на сегодняшнюю общественно-политическую ситуацию в России. Однако не чересчур ли упрощенной и односторонней выглядит последняя экстраполяция? Допустим, вульгарность нынешней «элиты» – неизмеримо далекая от грубоватой

прямоты и суровой застенчивости порядочного человека – действительно от Октября. Хотя не факт: речь может обоснованно вестись об универсальной поведенческой константе верхушки капиталистического общества с неизжитыми следами феодализма (или «азиатского способа производства»). Но вот нескрываемое безразличие властей предрержащих к судьбам сограждан, равнодушие, защищенное сетью формальных законов, совершенно точно уже указывает на либерально-буржуазный, февралистский окрас правящего теперь класса. Негативный образ либерализма «как мировоззрения неискреннего, лицемерного и эгоистичного» укоренен, кстати, в русской литературе, занимавшей в предреволюционный период важную позицию в интеллектуальной и политической жизни страны⁷. В тексте Р.Г. Апресяна любопытна сравнительная интерпретация трех полотен Бориса Кустодиева, символически схватывающих и выражающих соответственно смыслы Декабрьского вооруженного восстания 1905 года, вооруженной манифестации 27 февраля 1917-го и победы пролетария-«Большевика» (1920). Для первой и третьей картин разрешается амбивалентное истолкование (и в поддержку революции, и в ее осуждение); для той, что между ними, – почему-то исключительно лубочно-положительное. Но в лубке-то, в наивно-восторженном отрыве от противоречивых жизненных реалий и кроется, вероятно, изъян Февраля (неоднократно, кстати, отмечаемый самим интерпретатором).

По сути, в прямую полемику с предыдущим докладчиком вступает *О.П. Зубец*, заявив интереснейшую тему «Моральность и социальность в контексте Октябрьской революции». Моральность, с точки зрения автора, не подчинена социальности, а противостоит ей, будучи сопряженной со свободно-ответственным поступком индивидуума. Она ценностно выше деперсонализированных в тенденции общественных отношений. Моральная субъектность выше субъектности социальной. Консеквенциалистское понимание революции, отталкивающееся от ее последствий и результатов (зачастую откровенно контрреволюционных), аргументированно подвергается критике. Главный довод: «...поступающему не даны следствия его поступка, неизвестен его объективированный исторический смысл и, поступая, он не может исходить из них. Более того, у морального поступка в принципе нет внеположенной цели, он содержит ее в себе, он самодостаточен, поэтому о нем невозможно судить, подменяя его цель последующим объективированным результатом» (с. 424). Предельно нелепо судить антибуржуазный Октябрь 1917-го, принимая и поддерживая произошедшую в последние десятилетия в России реставрацию капитализма (с примесью, как и в начале XX века, полуфеодалных черт), иначе говоря, рассуждая с аутентично контрреволюционной позиции. Ставя моральное (в лексике рецензентов – нравственное) над социальным, наоборот, скорее нынешняя повседневность заслуживает критики, так как не отвечает желаниям-требованиям неотчужденной человечности. Октябрьскую революцию не случайно с воодушевлением восприняли люди труда во всем мире: она дарила надежду на освобождение от частнособственнической эксплуатации и чиновничьего произвола, была пронизана мощным антимещанским пафосом. Рецензенты добавляют: за кровь и репрессии революция, конечно, ответственность несет –

⁷ См.: Семёнов А. Революция 1905 года: ускользящая либеральная альтернатива? // Антропология революции. М., 2009. С. 104.

но, как и всякое социальное, во вторую очередь. Первоочередная же ответственность – персонифицированная и разной величины – на участниках и свидетелях того масштабного события и на тех, кто осмысливает его сейчас. Среди нынешних публичных противников и хулителей Октября немало, увы, лиц, еще совсем недавно чинно следовавших в русле его социальных консеквенций.

П.Д. Тищенко докладом «Советские проекты нового человека: предыстория, история, философия и идеология» заостряет внимание на крайне важном и в наши дни аспекте антропологической проблематики. Революция 1917 года осмысливается автором под углом зрения радикального эксперимента по созданию нового – «советского» – человека. Констатируется парадоксальность этого опыта, вмещавшего в себя два разных проекта: био-конструктивистский (Н.К. Кольцов, Г. Мёллер) и социотехнологический (А.С. Макаренко, ГУЛАГ). Оба они квалифицируются как прототрансгуманистические. При этом в био-конструктивистской евгенике сохранялось ядро буржуазных ценностей: идеал свободной, творческой личности. Социотехнологический прессинг тоталитарно ориентирован: человек видится винтиком государственной машины, однозначно подчиняющим собственные интересы интересам коллектива. Принципы демаркации проектов и их авторская оценка понятны. Остаются, однако, сомнения касательно распознавания стратегически главной опасности для суверенности человека: социально-технологическая муштра еще оставляет шансы на сопротивление и бунт, генетические манипуляции, под какими бы благовидными предложениями они ни проводились, могут априори лишит индивиду этого спасительного шанса.

С.М. Малковым («Идейные основания проектов по созданию нового человека в СССР (1920–1930-е годы)») выделяются, по существу, те же две стратегии: биологическая и социальная, и социальная оценивается опять же заметно более критично: ни много ни мало как преступление против человечности. Повторять здесь высказанное выше возражение нет нужды. Отметим только, что действительная сила природно-биологического начала в человеке дает о себе знать, думается, тогда, когда минимизировано искусственное, социально-сциентистское воздействие на него. Автор прав, предъявляя претензии к завышенному статусу трудовой теории происхождения человечества, которая и в самом деле не без изъяна. Она заключает сторонника в порочный круг: разумное существо создается трудом – но сам труд изначально уже требует наличия разума. Можно согласиться и с тем, что именно рационально просчитанная и заточенная на эффективность организация трудовых отношений неизбежно ведет к чудовищным последствиям – к деструкции человечности. Однако вряд ли оправданно называть эффективным экстенсивный способ хозяйствования первых советских пятилеток, переломавший судьбы миллионов людей. Впрочем, погибшим и пострадавшим, наверно, всё равно, «эффективность» ли виновата в случившемся или какой-то иной принцип или концепт. Наконец, подчеркнем пункт безусловной солидарности с докладчиком: начинать совершенствование с себя – не с другого.

Логичным представляется завершить обзор обращением к тексту академика *В.А. Лекторского* «О революционных поисках в науках о человеке в советской России 20-х годов XX в.», в котором убедительно продемонстрирована концептуальная глубина исследований и дискуссий того времени, их сегодняшняя, в век трансгуманизма и «постчеловека», неконъюнктурная актуальность. Категорически отклоняется интерпретация советского этапа

как провала и выпадения из мирового цивилизационного развития, упадка философии, науки и знания вообще. Напротив, указываются феномены, прямо свидетельствующие об интеллектуальном взлете, в частности, пришедшемся на 1920-е годы: тектология А.А. Богданова, толкование культуры как диалога М.М. Бахтина, коммуникативная психология Л.С. Выготского. При всей разности взглядов их создателей объединяла близость замыслам Русской революции с ее антибуржуазностью, идеей проектирования и созидания справедливого мира. Научные и философские достижения той поры во многом предвосхитили то будущее, которое сегодня уже не кажется столь утопичным. Противоречивость современного исторического состояния России видится автором в параллельно происходящих процессах Большой модернизации и Большой реставрации (реанимирующей дореволюционные ценности и идеалы).

Заданный объем рецензии не позволил обсудить остальные материалы, вошедшие в сборник, что, разумеется, никак не ставит под сомнение ценность их содержания. Рассмотренные же доклады наверняка заинтересуют специалистов-гуманитариев и всех, кто неравнодушен к судьбам человека, культуры и родной страны.

Список литературы

- Евразийство. Опыт систематического изложения // Пути Евразии. Русская интеллигенция и судьбы России / Сост. И.А. Исаев. М.: Русская книга, 1992. С. 347–415.
- Революция, эволюция и диалог культур. Доклады к 100-летию русской революции на Всемирном дне философии в Институте философии РАН 14 и 16 ноября 2017 г. / Отв. ред. А.В. Чернышев. М.: Гнозис, 2018. 624 с.
- Семёнов А. Революция 1905 года: ускользящая либеральная альтернатива? // Антропология революции / Сост. и ред. И. Прохорова и др. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 101–126.
- Смирнов И.П. Социософия революции. СПб.: Алетейя, 2004. 369 с.
- Фатенков А.Н. Революция и экзистенция (этюды разного настроения) // Человек. 2017. № 2. С. 5–21.
- Ямпольский М. Революция как событие смысла // Антропология революции / Сост. и ред. И. Прохорова и др. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 17–52.

The socio-cultural and anthropological dimensions of the Russian revolution

Chernyaev A.V. (ed.) *Revoljutsiya, evolutsiya i dialog kul'tur. Doklady k 100-letiyu russkoy revoljutsii na Vsemirnom dne filosofii v Institute filosofii RAN 14.11.2017* [Revolution, evolution and the dialogue of cultures. Talks dedicated to the 100th anniversary of the Russian revolution presented at the Institute of Philosophy, RAS during the International Day of Philosophy on November 14, 2017]. Moscow: Gnozis, 2018. 624 p. (In Russian)

Aleksey N. Fatentkov

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod. 23 Gagarin Ave., Nizhny Novgorod, 603950, Russian Federation; Privolzhskiy Research Medical University. 10/1 Minin Sq., Nizhny Novgorod, 603005, Russian Federation; e-mail: fatentkov@fsn.unn.ru

Andrey A. Davydov

Privolzhsky Research Medical University. 10/1 Minin Sq., Nizhny Novgorod, 603005, Russian Federation; e-mail: niprogov2009@yandex.ru

This is a review of the collection of materials of International scientific conference «Revolution, evolution and the dialogue of cultures», which took place in the RAS Institute of Philosophy in November 2017 and was dedicated to the 100th anniversary of the Russian revolution. The reviewers assume that, as a rule, discussions on a historic event are beneficial. Debates, even the hot ones, prevent us from reducing conceivable history to its mythological and ideological simplifications. The root of historical polemics lies in a conceptual dilemma that cannot be solved unambiguously: the main meanings of events are actualized either in the moment of their happening, or later, when we are removed from these events. The explication of a meaningful completeness is inevitably contradictory on the level of social consciousness; sometimes it is the same at the level of an individual consciousness. Different aspects of the Russian revolution are addressed by the authors of «Revolution, evolution and the dialogue of cultures». The reviewers found it reasonable to emphasize the two conceptual lines thoroughly developed in the book: the socio-cultural and the anthropological one.

Keywords: Russian revolution, socio-cultural meanings, anthropological meanings, Revolution, evolution and dialogue of cultures

For citation: Fatenkov, A.N., Davydov, A.A. “Sotsial’no-kul’turnye i antropologicheskie smysly Russkoi revolyutsii” [Ethics and metaphysics: On interaction between them], *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 2020, Vol. 13, No. 1, pp. 173–183. (In Russian)

References

- Chernyaev, A.V. (ed.) *Revolyuciya, ehvolyuciya i dialog kul’tur. Doklady k 100-letiyu russkoy revolyucii na Vsemirnom dne filosofii v Institute filosofii RAN 14 i 16 noyabrya 2017 g.* [Revolution, Evolution and Dialogue of Cultures]. Moscow: Gnozis Publ., 2018. 624 pp. (In Russian)
- Fatenkov, A.N. “Revolyutsiya i ekzistentsiya (etyudy raznogo nastroyeniya)” [Revolution and Existence (Etudes of Different Moods)], *Chelovek*, 2017, No. 2, pp. 5–21. (In Russian)
- Iampolsky, M. “Revolyutsiya kak sobytie smysla” [Revolution as an Event of Meaning], *Antropologiya revolyutsii* [Anthropology of Revolution], ed. by I. Prokhorova et al. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2009, pp. 17–52. (In Russian)
- Isaev, I.A. (ed.) “Evraziistvo. Opyt sistematicheskogo izlozheniya” [Eurasianism: An Experience of Systematic Statement], *Puti Evrazii. Russkaya intelligentsiya i sud’by Rossii* [Paths of Eurasia. The Russian Intelligentsia and Destinies of Russia], ed. by I.A. Isaev. Moscow: Russkaya kniga Publ., 1992, pp. 347–415. (In Russian)
- Semyonov, A. “Revolyutsiya 1905 goda: uskol’zayushchaya liberal’naya al’ternativa?” [The Revolution of 1905: An Elusive Liberal Alternative?], *Antropologiya revolyutsii* [Anthropology of Revolution], ed. by I. Prokhorova et al. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2009, pp. 101–126. (In Russian)
- Smirnov, I.P. *Sotsiosofiya revolyutsii* [Sociosophy of Revolution]. St. Petersburg: Aleteiya Publ., 2004. 369 pp. (In Russian)